

ДОМ УШЕЛ

Дом,
с таким трудом
купленный на последнее,
исчез.
Соседнее
здание как ни в чем не бывало
стояло,
окошки сжав.
Замглав
администрации усердно ботинком тюкал
в трубу:
— Никак не пойму,
куда оно испарилось?
Испугалось? Влюбилось?
— К лешему ваши шуточки! —
прямо ему
в лицо выдаю с угрозой.
— Дом, отыщите дом!
Я говорю с трудом
от этой метаморфозы!
А он, извиняясь будто:
— Ладно, придет под утро.

ГОРИТ

И дальний лес, и берег, и река,
и сосны леса, и трава, и ели,
и птицы, что летят издалека,
и птицы, что недавно прилетели.

И первый дом, и третий, и седьмой,
и все дома, подъезды и квартиры,
и дворник, что не дружит с головой,
и муж сбежавшей к дворнику Глафиры.

Антон Николаевич Нечаев — поэт, писатель. Учился в Литературном институте имени Горького (семинар Евгения Рейна). Публикации в журналах «Воздух», «Вестник Европы», «Дети Ра», «Зеркало», «Номо legens», «Квадрига Аполлона», «Ликбез», «Литература», «Топос», «Нева», «Стороны света», «Плавучий мост» и др. Член Русского ПЕН-центра (2004–2016). С 2016 года живет в Израиле, в Наарии.

И магазин, и очередь, и квас,
и гаражи, и лавки, и стоянка,
и дети с первый по десятый класс,
и модный банк, и служащие банка.

И ящериц веселый хоровод
вокруг пенька (в какой-то детской песне),
воздушный шар, знакомый поворот
до города, а дальше интересней:

многоэтажек хмурые столбы,
заборы и реклама на заборах,
закусочных щербатые столы
и папки на столах переговоров.

Трамваи и автобусы, ларьки,
чиновники, спортсмены, онанисты,
военные, врачи, боевики,
учителя, шпионы, террористы.

И выстрелы на стрельбище, и бег
по кольцевой на время, и пространство,
заполненное внешней пустотой,
и постоянство, и непостоянство.

И в сумерках усталый Парацельс,
и ученик, и пепельная роза,
и Кант, и дервиш, и святая цель,
и в безымянном колкая заноза.

И изморось, и Ладога, и снег,
и пелена веками не спадает,
и под дождем бредущий человек,
и как идет, и как он пропадает.

К КОНЦУ АПРЕЛЯ

К концу апреля надоел апрель,
и хочется запрятаться куда-то,
где не достанут, и твердить: спокойно!
Уже октябрь, уже июнь, январь.

Придет октябрь и тоже надоест,
январь придавит оловом лиловым,
июль-июнь как мутный палимпсест,
и вот уж об апреле — добрым словом.

МЫ СМОТРИМ НА ВОДУ

Мы смотрим на воду и видим в воде людей.
Они, развлекаясь, гуляют среди стекол, песка, камней.
Зонтики раскрывают, пугают непуганых рыб,
могилы копают, возводят жилища из глыб.
Такси вызывают: пожалуйста, в аэропорт!
Монет не хватает, а тут еще грипп и аборт!
Сиротки канючат на сотовый телефон,
и я не в тебя, а в твою коммуналку влюблен.

Мы смотрим на воду, но тут подошел теплоход.
Компанией шумной на нем отдыхает народ,
шампанское бьется, и девки от счастья визжат,
и хамски из рубки помощника выставлен зад;
флажок помертвелый над палубой сохнет — истлел,
а берег пустынен. Уж тысячу лет опустел.

СОННАЯ ВОДА

Вода на листьях. Выпить и уснуть.
И даже при дожде не просыпаться.
И лишь к зиме очнуться как-нибудь
и в одури по городу слоняться.

Дома не те, дворы не те, столбы
в бетонные колечки закрутились,
и в парках перевернуты стволы:
листва в земле, а корни отвалились.

И как я пил из листьев сих, и спал
на сей траве, и временем питался
корявым этим, и чего я ждал?
И для кого бесславно просыпался?

Понурый день, как дряхлый старикан,
снежок с волос гребенкою срывает,
и город соблазнительный стакан
еще живым прохожим предлагает.

К МОРЮ

Коля и Толя — сибирские пацаны,
обычные, в общем, неплохие ребята.
Хотели увидеть море, бескрайнюю ширь волны
в память вогнать свою и Толиного фотоаппарата.

Вещички собрали, сказали — идут в поход
(а класс в это время и вправду собрался в лагерь).
Откуда поехать? Рванули на речку, в порт,
а там теплоход «Дудинка», поддатый дядя,
на трапе шатаюсь, плюет табаком в волну,
спасательный круг, железно надежный леер...
Дядька кивает зазевавшемуся пацану:
— Давай, малец, на палубу лезь скорее!
И Толька полез, и Колька следом за ним,
а дядька, как сказочный, невесть куда испарился...
Наверное, море большое пришло за ним,
только окурок еще в глубине дымился.
И тронулось судно, как старый матрос кряхтя,
минуя буйки, степенно вошло в фарватер.
— Дома, наверное, уже ищут тебя.
— И тебя. — Но всех нас спасет экватор,
укроет в себе жемчужная синь морей,
где нас не найдут родители и учитель,
там кит под водой живет голубых кровей,
а рыба летит по небу, как истребитель.
Там ночью бездонной уходит на лов рыбак,
звездную сыпь включая, как навигатор...
Город терялся в дымке, словно в снегу пятак.
К ним приближался север, как аллигатор.

ГЕЛЕНДЖИКСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Мальчики фотографируют своих девочек
на белой набережной курортного города,
дальний маяк как заколка
со вспыхивающим электрическим камнем.

Ты выйдешь в ослепительное море,
кораблик крохотный, на берегу
оставив женщину, ребенка и кота
домашнего — таких огромных.

Под навесом невидимых звезд
воздух — третий не лишний — целует целующихся.

Чешуя рыбы, клюв чайки —
нерасторжимый, смертельный брак.

Дым сигареты — прощание несуществующего парохода.
Прогулочный картонный фрегат
намокает в глубине неба,
удаляясь под хохот современной развлекательной музыки.

Солнце, острыми лучами
осторожно ступая по пляжу,
собирает гербарий —
накалывает подсушенные тела.

Солнце, поджаривая нас,
как раскисшие пельмени, —
нас отрицает.

Подплыви, пожалуйста, к берегу,
задумчивая медуза,
повиси в отражении
номеров санатория —
морским одуванчиком
в темной соленой вазе.

К радости моих глаз,
море вернулось.
Оно оставляло меня на семнадцать лет,
и хотя оно не важнее теперь
родины, жены и ребенка,
с родиной женой и ребенком
меня познакомило море.

Вместо хлеба ем грязь уличного Краснодара,
пью молоко добродушных соседей,
везущих в Иркутск корову,
прилепляю к стеклу
мокрый нос одиночества.

Под Уфой взрывают какие-то склады,
и состав разворачивают обратно.
Русское сартровское «приключение».

* * *

Период легкомыслия. Почти что пушкинской жизни.
Где слово легче шлепка дружеского по ладошке.
Где дождевые капли и сосновые шишки
не падают, но слетают, и плавно встают на ножки,
и носятся, словно дети, играя, прячутся за стволами;
а тучи как мамочки со свежими животами.